

ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА САМОУПРАВСТВА ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2014 Фаттахова Лейсан Шавкатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Email:-Leysan_02@mail.ru

Проведен сравнительный анализ предусмотренных гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации объектов состава преступления и должностных преступлений. Детально рассмотрены признаки состава самоуправства и должностных преступлений, имеющие огромное значение в правоприменительной практике при квалификации самоуправных действий и отграничении от смежных должностных преступлений.

Ключевые слова: преступление против государственной власти, злоупотребление должностными полномочиями, превышение власти, должностное лицо, специальный субъект.

Взятый курс современной политики направлен против антикоррупционной деятельности, в связи с чем особую актуальность приобретает отличие самоуправных действий от должностных преступлений. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ) 1996 г., будучи документом во многих отношениях несовершенным, отразил, тем не менее, в существенных признаках традиционное понимание должностных преступлений в духе доктрины правового государства.

В преступлениях, предусмотренных гл. 30 УК РФ, видовой объект являет собой общественные отношения, обеспечивающие нормальный порядок несения государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Нетрудно заметить, что самоуправство исторически отнесено к посягательствам на суверенитет власти, т.е. к такому положению вещей, при котором вся ее полнота сконцентрирована у государственного аппарата, виновный при этом устанавливает собственный порядок поведения, собственные правила, установки, с которыми вынуждены считаться третьи лица. В разграничиваемом же составе виновные в силу занимаемого положения имеют возможность в той или иной степени предопределять поведение третьих лиц. Однако сама эта возможность используется не в соответствии с ее предназначением. Расположение самоуправства и преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ в разделе "Преступления против государственной власти", обусловлено общностью их родового объекта, коим являются общественные

отношения по поводу нормального отправления государственной власти. Суверен в равной степени заинтересован как в том, чтобы на его властную монополию не осуществлялось посягательства, так и в том, чтобы лица, наделенные властными полномочиями, использовали таковые в соответствии с их предназначением.

Так, являясь преступлением против государственной власти из группы посягательств на порядок управления, самоуправство, прежде всего, противодействует нормальной работе государственного аппарата. Первоочередная опасность самоуправства обусловлена тем, что лицо, совершившее это преступление, проявляет пренебрежительное отношение к установленному государством порядку осуществления каких-либо действий, вторгается в компетенцию тех органов, которые должны были осуществлять их сами или следить за развитием отношений между гражданами по реализации принадлежащих им прав.

Наиболее близкими к самоуправству являются составы, предусматривающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (286 УК РФ). В.Л. Есипов указывал на тот факт, что "превышение власти как форма преступной самостоятельности должностных лиц стоит ближе всего к самоуправству как форме преступной самостоятельности частных лиц"¹.

Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 16 октября 2009 г. № 19, как злоупотребление должны квалифицироваться та-

кие действия должностного лица, которые входят в круг его полномочий, но были совершены им из корыстной или иной личной заинтересованности при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения. Данный запрет направлен на то, чтобы должностные лица выполняли функции, которыми они наделены, в полном соответствии с их содержанием представляли публичные, общегосударственные, а не собственные интересы и пользовались в связи с этим доверием общества.

Превышение должностных полномочий определено как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

В соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ, “должностными... признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации”.

С объективной стороны, разграничиваемые преступления представляют собой материальные составы, причем последствия обозначаются в диспозициях статей одинаковым термином - “существенный вред”, различаются только лица, которым этот вред причиняется: в ст. 286 УК РФ это “граждане или организации либо... общество или государство”, а в ст. 330 УК РФ предполагается, что это “граждане и организации”.

Внимательное исследование сравниваемых составов позволяет сделать вывод, что самоуправство представляет собой, по сути, превышение полномочий, совершенное подвластным субъектом (в отличие от ст. 286 УК РФ, в которой обязательным является специальный субъект - должностное лицо). Оспариваемость, как обязательный признак самоуправства, не выдвигается в составе ст. 286 УК РФ, поскольку должностное лицо осуществляет свои полномочия в сфере публичного права, для которого и так характерна

формула “все, что не разрешено, запрещено”. Таким образом, выдвижение требования оспариваемости для состава ст. 286 УК РФ представляло бы собой простое повторение, что не соответствовало бы принципу законодательной экономии. Следовательно, при определении того, является ли совершенное деяние самоуправством, допустимо руководствоваться разъяснениями высшей судебной инстанции, касающимися превышения должностных полномочий (безусловно, с учетом специфики субъекта): это те действия, “которые относятся к полномочиям другого должностного лица либо могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, а также действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить”².

Ф.Д.Л., назначенный на основании приказа от 23 декабря 2010 г. № 397 л/с оперуполномоченным 2 отдела оперативной службы УФСКН по Республике Татарстан, являясь представителем власти, т.е. должностным лицом, совершил преступление, превысив свои должностные полномочия, при следующих обстоятельствах.

Так, в период времени с 6 по 7 января у оперуполномоченного отдела оперативной службы УФСКН РФ по Республике Татарстан Ф.Д.Л., являющегося должностным лицом, т.е. лицом, постоянно осуществляющим функции представителя власти в государственном органе, возник умысел на незаконное получение денежного вознаграждения от О.С. Д.; 7 января 2012 г. около 2 часов ночи во исполнение своего преступного умысла Ф.Д.Л. совместно со стажером по должности младшим оперуполномоченным 6 отдела оперативной службы УФСКН по Республике Татарстан Р.В.Т. и двумя неустановленными лицами, которых Ф.Д.Л. не посвящал в свои преступные планы, выехали по адресу: г. Казань, ул. Хади Такташ, д. 105. Возле данного дома Ф.Д.Л. приобрел у О.С.Д. за 10 000 руб. неустановленное порошкообразное вещество, после чего Ф.Д.Л., показав свое служебное удостоверение и представившись сотрудником УФСКН РФ по Республике Татарстан, сообщил О.С.Д. о проведении проверочной закупки и его задержании. При этом Ф.Д.Л. в нарушение требований Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144 “Об оперативно-розыскной деятельности” не имел соответствующих документов на проведение данного мероп-

рия. Далее, Ф.Д. Л., явно выходя за пределы предоставленных ему полномочий, произвел личный досмотр О.С.Д. в отсутствие понятых и без составления соответствующих документов. При личном досмотре Ф.Д.Л. незаконно изъясил у О.С.Д. личные вещи, документы, а также денежные средства, не упаковав, положил их себе в портфель и стал высказывать последнему угрозу привлечения его к уголовной ответственности за незаконное приобретение, хранение и сбыт наркотических средств, затем явно выходя за пределы своих полномочий, из корыстных побуждений предложил О.С.Д. передать ему денежные средства в сумме 300 000 руб. за непривлечение последнего к уголовной ответственности по факту сбыта наркотических средств. О.С.Д., заблуждаясь относительно законности проведения проверочной закупки и его личного досмотра, согласился передать Ф.Д.Л. денежные средства в сумме 300 000 руб. за освобождение от уголовной ответственности. В счет гарантии исполнения обязательств О.С.Д. по предоставлению денежных средств Ф.Д.Л. незаконно забрал у О.С.Д. принадлежащую ему автомашину "Мини Купер" 2007 г. выпуска. Совершая указанные действия, явно выходящие за пределы его полномочий, Ф.Д.Л. действовал с прямым корыстным умыслом, т.е. осознавал общественную опасность своих действий, предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов О.С.Д. и причинения ему морального и имущественного вреда и желал его. Учитывая, что подсудимый полностью признал свою вину, суд признал Ф.Д.Л. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 166 УК РФ³.

Наиболее исследованным разграничительным признаком исследуемых составов является субъект преступного посягательства.

В ст. 286 УК РФ субъектом является должностное лицо, т.е. субъект, обладающий признаками, закрепленными в примечании к ст. 285 УК РФ. В управленческих отношениях должностное лицо, являющееся представителем власти, занимает положение управомоченного субъекта, имеющего возможность, как указано в примечании к ст. 318 УК РФ, определять поведение лиц, "не находящихся от него в служебной зависимости".

В составе же самоуправства должностные лица никогда не могут выступать в качестве субъекта, поскольку по сути своей преступления

против порядка управления осуществляются субъектом, который обязан подчиняться властным установкам суверена, или, говоря короче, является подвластным субъектом.

Следовательно, субъект самоуправления - осознающее фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и имеющее возможность руководить ими физическое лицо (гражданин России, лицо без гражданства, иностранный гражданин), достигшее установленного уголовным законом возраста уголовной ответственности.

Негативная деятельность субъекта преступления, на наш взгляд, может проявляться не только в повторном совершении преступления, но и в иной деятельности, так или иначе связанной с совершением преступления. В ст. 330 УК РФ возможность привлечения виновного лица к ответственности обусловлена в некоторых случаях особыми отношениями виновного и потерпевшего от самоуправления, носящими обязательственный характер. Эта деятельность субъекта самоуправления проявляется, прежде всего, в том, что субъект самовольно, вопреки установленному законом порядку, требует от потерпевшего исполнения его обязанностей с применением насилия или с угрозой его применения, причиняя существенный вред.

Субъект самоуправления обладает конкретными особенностями, которые указаны в диспозиции ст. 330 УК РФ, а именно: субъектом самоуправления может быть только лицо, реализующее свое действительное или предполагаемое право вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку. Субъект самоуправления занимает особое положение к потерпевшему лицу, так как признак оспаривания самоуправного деяния виновного лица ограничивает возможность привлечения субъекта к уголовной ответственности за самоуправство.

Состав самоуправления можно назвать составом со специальным исполнителем по признакам, характеризующим отношения субъекта с потерпевшим. В ст. 330 УК РФ возможность привлечения виновного лица к ответственности обусловлена в некоторых случаях особыми отношениями виновного и потерпевшего от самоуправления.

Потерпевший, как обязательный элемент состава, присутствует в самоуправстве - это должен быть только обязанный субъект, в отношении которого с нарушением установленного по-

рядка осуществляются права виновного. Вред, причиненный иным лицам, требует дополнительной квалификации. Должностные преступления в большинстве своем не содержат специфических требований к потерпевшим.

Следующим признаком, позволяющим разграничить вышеуказанные составы, является субъективная сторона, а именно наличие либо отсутствие мотива и цели преступления.

Неоднозначным является отношение в юридической литературе к мотивам и целям уголовно наказуемого самоуправства, а именно; 1) подчеркивается важность выяснения цели и мотивов виновного при совершении преступного деяния либо характера мотивации как признаков, способствующих отграничению самоуправства от других преступлений; 2) отмечается необязательный характер для данного состава каких-либо мотивов или целей, отсутствие на их счет законодательных указаний; 3) вообще не уделяется внимание мотивам и целям совершаемых самоуправных действий.

Вполне обоснована позиция тех исследователей, которые при рассмотрении состава самоуправства уделяют внимание его мотивам и целям, встречающимся в правоприменительной практике, либо указывают на важность их установления.

Мы исходим из того, что определение мотива преступления способствует установлению истинных причин совершенного деяния, позволяет правильно оценить нравственно-психологические особенности личности виновного. Различное сочетание мотивов и целей одинаковых преступлений может по-разному определять степень общественной опасности личности правонарушителя, учитываться при индивидуализации наказания.

Конкретных указаний на то, какие мотивы и цели возможны при совершении самоуправства, нами встречены не были, кроме одного, высказанного Н.А. Скорилкиной. Она полагает, что основу преступления, зафиксированного в ст. 330 УК РФ, иногда «составляет корыстная мотивация»⁴.

Значение установления мотива должностного преступления обусловлено тем, что мотив может по-разному характеризовать общественную опасность содеянного и лица, виновного в нем. Он учитывается судом при определении меры

наказания виновному. Мотивом должностного преступления нередко бывают ложно понятые интересы учреждения или организации. Оценивая ложно понятые интересы учреждения или организации в качестве мотива должностного преступления, необходимо заметить, что само лицо не проявляет при этом личной заинтересованности. Степень общественной опасности такого должностного лица и совершенного им деяния меньше, чем при совершении преступления по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности. Мотив должностного преступления тесно связан с целью его совершения. Действующее законодательство, формулируя составы должностных преступлений, не указывает на цель как обязательный признак состава преступлений. Но для назначения справедливого наказания немаловажно выяснить, с какой целью совершено преступление.

В целом, мотивы самоуправства - это мотивы личного порядка, которые могут друг с другом смешиваться. Мотив и цель имеют много общего, поскольку они определяются содержанием самоуправных действий. Цель отличается от мотива тем, что она определяет направленность действий, в то время как мотив - это осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления, иными словами, источник действия, его внутренняя сила.

Совершая самоуправство, виновный чаще всего преследует такие цели, как разрешение конфликтов или имущественных споров, улучшение жилищных условий, возмещение или компенсация какого-либо вреда.

¹ Цит. по: *Снежко А.С.* Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 112.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге: постановление Пленума Верховного суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4.

³ Архив Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан. Дело № 1-223/2012 г. от 24 мая 2012 г.

⁴ *Скорилкина Н.А.* Отграничение самоуправства от вымогательства // *Законность.* 2001. № 2. С. 9.

Поступила в редакцию 04.05.2014 г.